

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qwrqlb>

Нарратив в социальной сети ВКонтакте как средство самоидентификации

Рогова Евгения Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 2348-8929
<https://orcid.org/0000-0002-7040-0945>
evgeniarogova4505@gmail.com

Яницкий Леонид Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 8047-6973
<https://orcid.org/0000-0001-8214-8225>

Аннотация: В работе нарратив рассматривается как средство самоидентификации; самопознания; возможность конструировать Я-концепцию, временную перспективу образа Я; отражение самовосприятия, самообъяснения и презентации личности в социальной сети ВКонтакте. Нарратив как интерпретационный процесс, разворачивающийся в истории нарратора, анализируется как способ надления событий, эмоций, переживаний субъекта личностным смыслом. Цель – выявить специфику нарратива в виртуальной коммуникации в ходе изучения идентификационных процессов в социальных сетях на открытых личных страницах ВКонтакте. В личных историях, расположенных на страницах в социальных сетях, субъекты повествования демонстрируют ценности, убеждения, порой не до конца осознаваемые, проявляющиеся в элементах излагаемого текста и его модальности, позволяющие создать психологический портрет личности, определить триггеры, наличие напряженности, выявить механизмы идентификации творимых повествований, психологическую доминанту. Основой исследования является подход нарративной психологии, подчеркивающей конструктивную роль языка в формировании и структурировании самости. Человек понимает себя, мир и происходящие в нем события с помощью языка, устной, письменной речи. Анализируя систему значений и структурные элементы историй в социальной сети ВКонтакте, можно выявить матрицу идентификационных предпочтений субъекта рассказывания, которые позволяют создать базовую модель личностного конструкта. Наблюдение за тем, как человек интерпретирует свой опыт, позволяет раскрыть то, как работает его субъективность. Анализ нарратива помогает определить механизмы конструирования мира и то, как нарратор осмысляет его в категориях прошлого, настоящего, будущего времен. Изучение смыслообразования в нарративной психологии приближает к личности человека, временному аспекту человеческого опыта. Личностный опыт, облеченный в историю, раскрывает человека, оцельняет его жизнь, помогает работать со смыслом, осуществлять в слове жизненный проект, который, будучи оформленный в повествовательном конструкте, дает человеку возможность обнаруживать стратегии самоосуществления, адекватные настоящему психологическому ресурсному состоянию. В данном смысле не человек творит историю, а история формирует человека. В итоге, выявив средства создания субъективной языковой картины мира в историях на открытых личных страницах в социальной сети ВКонтакте, можно с высокой степенью вероятности с разными целями определить идентификационные основы нарративов авторов, психологические константы и доминанту личности.

Ключевые слова: нарратив, самоидентификация, нарративная психология, социальная сеть ВКонтакте

Цитирование: Рогова Е. Н., Яницкий Л. С. Нарратив в социальной сети ВКонтакте как средство самоидентификации. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2024. Т. 3. № 3. С. 281–295. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-3-281-295>

Поступила в редакцию 08.08.2024. Принята после рецензирования 09.09.2024. Принята в печать 09.09.2024.

full article

Narrative as Self-Identification in VKontakte Social Network

Evgenia N. Rogova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 2348-8929
<https://orcid.org/0000-0002-7040-0945>
evgeniarogova4505@gmail.com

Leonid S. Yanitskiy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 8047-6973
<https://orcid.org/0000-0001-8214-8225>

Abstract: In social nets, personal narrative serves as a means of self-identification and self-awareness. A user constructs a concept of Self as a temporary I-image for virtual self-perception and self-explanation. As an interpretative process, narrative endows the story of emotions and experiences with personal meaning. The research objective was to describe virtual narrative as part of identification processes in public accounts in VKontakte social net. Personal narratives were used to detect values and beliefs manifested as text elements. This information revealed neurotic conflicts, triggers, points of tension, identify mechanisms, psychological dominants, etc. The research relied on narrative psychology, which emphasizes the constructive role of language in personality development: people understand themselves and the world through oral and written speech. The analysis of meanings and structural elements of narratives published in social networks made it possible to construct a matrix of identification preferences of the narrator, thus modelling a basic personal construct. Observing how the narrators interpreted their experience revealed the mechanisms behind their subjectivity, worldview, and temporal attitude. The authors believe that narrative psychology brings to surface the temporal aspect of human experience, which tells a lot about the personality of the narrator. Writing about their personal experience allows narrators to identify their values and beliefs, as well as brings clarity and meaning to life as a project in words. Personal narrative offers strategies for self-fulfillment that fit one's actual psychological resource state, i.e., it is not the narrator that shapes the narrative, but the other way round. The subjective linguistic worldview revealed by personal narratives in social nets makes it possible to profile the narrator's personality.

Keywords: narrative, self-identification, narrative psychology, social network VKontakte

Citation: Rogova E. N., Yanitskiy L. S. Narrative as Self-Identification in VKontakte Social Network. *Virtual Communication and Social Networks*, 2024, 3(3): 281–295. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-3-281-295>

Received 8 Aug 2024. Accepted after review 9 Sep 2024. Accepted for publication 9 Sep 2024.

Введение

Нарратив является предметом большого количества философских, лингвистических, культурологических исследований, знаком новой научной парадигмы, постпозитивистского метода в науке. Понятие нарратива в XX в. связано с рядом имен: Х. Уайта, Б. Хернштейна-Смита, П. Рикера, Т. Г. Сарбина, Дж. Брунера, Дж. Гинзбурга, Б. Слугоского, К. Мэррея и т. д. Основная проблема нарратологии как дисциплины, оформившейся в результате пересмотра структуралистских взглядов на искусство, – это «проблема взаимоотношения между рассказом-нарративом и жизнью, рассматриваемая как особая форма существования

человека, как присущий только ему модус бытия» [Ильин 2004а: 277]. В последнее время наблюдается повышенный интерес к нарративу как междисциплинарному феномену, связанному с идеей о нарративной природе осмысления человеком мира. В психологии нарратив соотносится с самопониманием, автобиографической памятью, динамикой развития личности, ее взаимоотношениями с социальной средой и человеческой культурой [McAdams 2001: 100]. П. Рикер в теории *нарративной идентичности* утверждает, что «самость и индивидуальность появляется только в процессе повествования истории жизни» [по Кроссли 2020: 91].

Нас интересует нарратив – рассказывание историй в медиапространстве, в социальной сети ВКонтакте, выявление средств формирования самоидентификационного процесса. Вслед за К. Мэрреем мы понимаем под нарративом сюжетно-повествовательную форму, предлагающую сценарий процесса взаимодействия между социальным миром и индивидуальным бытием, в результате которого формируется идентичность [по: Ильин 2004б: 276]. Существует особенность анализа нарратива: предполагается необходимость дискурсивного подхода при анализе, заключающегося в учитывании социального контекста высказывания, позволяющего приблизиться к границам личности нарратора.

Цель исследования – выявить специфику нарратива в виртуальной коммуникации в ходе изучения идентификационных процессов в социальных сетях на открытых личных страницах ВКонтакте.

Методы и материалы

Основной метод работы – дискурсивный анализ нарратива. Материалом выступают публикации на трех личных страницах ВКонтакте, содержащие нарративы (все примеры приведены в оригинале). Две из этих страниц являются открытыми, а владелец третьей, закрытой страницы, дал разрешение на использование своих материалов.

Результаты

Современная психология свидетельствует о важности языка и социальных символов для рефлексивного самосознания, человек не может мыслить себя вне принадлежности к какой-то социальной группе. По мнению Ч. Тейлора, расценивающего современный мир как атомистический и релятивистский, а современного человека по преимуществу как лишенного ощущения принадлежности к чему-то большему, чем окружающий материальный мир, в современной социальной действительности существует тем не менее импульс к самореализации и самовыражению, который сам по себе является моральным императивом [Taylor 1991]. Социальные сети представляют собой доступную и широко используемую возможность для самовыражения пользователей. Ч. Тейлор подчеркивает, что нашу самость определяет общество: «Сама природа человеческого существования – назовем это его диалогической природой –

гарантирует, что, определяя свою собственную идентичность, я должен делать это в разговоре с другими»¹ [Ibid.]. Комментируя идеи Ч. Тейлора, М. Л. Кроссли отмечает, что идея Ч. Тейлора о связи моральной ориентации с идентичностью является важной в понимании процесса идентификации, она зависит от общества, культуры, от понимания социальных норм, отношений: «У нас формируется ощущение того, кто мы есть, через ощущение того, как мы позиционируем себя по отношению к "добру"» [Кроссли 2020].

Получается, что существует связь между тем, как мы производим смысл из жизни в нарративах, и понятиями *добра*, пониманием самости и представлениями об обществе. Нарратив связан с исследованием способов, посредством которых мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей *самости* или *персональной идентичности* [Брокмейер, Харре 2000: 29]. Для молодого поколения, выросшего в условиях информационного общества, сеть Интернет стала своего рода площадкой для свободного самовыражения [Шаповал, Мальцева 2019]. Социальные сети предоставляют своим пользователям новые возможности в создании самоидентифицирующих нарративов [Рогова, Яницкий 2022] в форме сторителлинга, т.е. рассказывания историй в медиапространстве [Смирнова 2021].

Индивидуальная идентификация, являющаяся социальной по своей природе, проливает свет на механизмы социализации, адаптации человека в социуме, позволяет утверждать о ценностно-смысловых аспектах личности, неизменно, по словам З. Фрейда, ориентирующейся на некий идеальный объект в рамках процесса самопроектирования: «Я-идеал соответствует всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке. Социальные чувства покоятся на идентификации с другими людьми на основе одинакового Я-идеала» [Фрейд 1997: 518]. Суть идентификации, по мнению Э. Эриксона, можно выразить фразой: «Мы есть то, что мы любим» [Эриксон 1999: 344]. Неспособность же к истинной интимности проявляется, по Э. Эриксону, в чувстве изоляции. Интернет и социальные сети предоставляют для пользователей медиапространства новые возможности, позволяющие выработать идентификацию, достичь ощущения интимности в понимании Э. Эриксона, избежать чувства отчужденности.

¹ Перевод выполнен Андреем Семановым. *Предание.ру*. URL: <https://predanie.ru/book/221311-nedug-sovremennosti/> (дата обращения: 17.07.2024).

В. А. Ядов считает, что идентификация связана с базисными потребностями самосохранения, самоутверждения, самовыражения, защиты, со стремлением быть включенным в социум и дистанцироваться от него [Ядов 2009: 338]. Автор полагает, что идентификация осуществляется через межличностное и межгрупповое общение, большая часть которого связана со средствами массовой информации. Теория А. Н. Леонтьева, утверждает В. А. Ядов, помогает понять определяющую роль деятельности в формировании идентичности конкретного человека, «разнообразие деятельности определяет богатство значений идентичности, ее смысловой наполненности: выбор социального действия диктуется осмыслением идентификации с определенной общностью на уровне... высших диспозиций личности, т. е. системы ценностей, идеалов, смысла жизни» [Ядов 2009: 339].

Идентификация – один из способов социализации личности, усваивающей модели поведения, ценности социальных групп, индивидов, с которыми идентифицирует себя личность, относящийся по большей мере к *внутренним переживаниям* [Анникова и др. 2019: 5]. Идентификация «представляет собой механизм формирования системы ценностных ориентаций личности, занимающий промежуточное положение между базовыми адаптационными механизмами и более высокоорганизованными механизмами осознания личностного смысла ценностей» [Яницкий 2000: 68]. Анализируя объекты идентификации нарраторов, можно составить представление об их актуальных ценностях, идеалах, смыслах, которыми наделяет события своей жизни рассказывающий об этой жизни.

Самоидентификация также – это и риторический прием, и средство убеждения, и способ регуляции взаимоотношений, установления прав, компетенций, границ, осмысление своей социальной роли, т. е. «осознанное или неосознанное вербальное, параневербальное маркирование идентичности, ...принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе / категории, к какому-либо классу / уровню / типу людей» [Лаппо 2013: 31]. Анализируя коммуникативные процессы в социальной сети, мы обращаем внимание на широкий спектр намерений нарраторов: «оправдание своих действий, разрешение что-либо делать или не делать, привлечение внимания, защита от нападения, маскировка смущения, умаление / преувеличение своих достоинств» и т. п. [Там же].

Смысл личностен, и авторы историй в социальной сети ВКонтакте, создавая нарративы, объясняют свою жизнь и одновременно творят ее – это является процессом творческого самовыражения и конструирования жизненной стратегии с опорой на социальные предикторы. Дэрил Дж. Бем, изучая формирование социальных установок, выяснил, что люди формируют их, наблюдая за своим поведением, т. е. записывая собственные мысли, рассуждая о себе, узнают о себе новое, самовосприятие строится на основе самопознания посредством наррации [по: Зукофф, Горчак 2019: 121]. В этом заключаются свобода и творчество, самореализация и самопроектирование. В текстах можно выявить некие матрицы идентификации: что именно считается за норму в социальном окружении, ценности которого транслирует нарратор.

Анализируя нарративы на открытых личных страницах ВКонтакте, мы будем выявлять тон, образы, символы, метафоры, темы в историях, позволяющие определить матрицу идентификационных процессов, помня о следующих основах наррации, которые выделяет Е. С. Моштылева вслед за Т. Б. Радбилем: текст воплощает «интенциональность по отношению к тем событиям реальной действительности, о которых повествуется» [Моштылева 2022: 311]; наррация всегда адресована, что коррелирует с принципом диалогичности М. М. Бахтина [Там же].

Для осуществления поставленной цели нами проанализированы три личные страницы, находящиеся в открытом доступе ВКонтакте. Выбранные интервалы времени, за которые были сделаны записи авторов публикаций, определяются возможностью выделить наличие выраженной временной динамики в наррациях. Все три нарратора – молодые женщины, находящиеся в поисках новой идентичности в переломный период их жизни. Сознвая, что истории могут быть вымышленными, мы все же убеждены, что и вымышленные истории, их центральные темы, преобладающий эмоциональный тон демонстрируют интересующие нас идентификационные процессы, позволяющие составить представление о ценностно-смысловой картине мира повествователя.

Анализируя личные истории нарратора А (проанализированы наиболее репрезентативные из них), созданные в течение 2023 г., мы выделили образы времени, в отношении к которым раскрывается личностная динамика автора; основные темы, референном проходящие через целый ряд нарративов; преобладающий тон повествования; антонимичные

образы; представление о нравственной норме рассказчика, о себе как личности. Предпринятый анализ выявляет константы, с опорой на которые осуществляется идентификация. Нарратив как история показывает, как нарратор наделяет события смыслом, ставит цели, проектирует себя, наделяя значением прошлое, настоящее и будущее. Нарратор А идентифицирует себя как человека, пришедшего к вере в бога, в истории это проявляется в наличии эксплицитно и имплицитно выраженной темы бога, отражении событийного плана поиска и обретения веры. Приведенный ниже фрагмент содержит темы, которые являются частотными в записях рассказчика, а именно темы опасности мира, одиночества, отсутствие поддержки и ее необходимость, неизбежность обращения к вере:

- (1.1) *Ты нуждаешься в Боге. Допустил его в своё сердце. В Нем твои надежды на лучшее, на жизнь. И ты возвращаешься к Богу в трудные моменты. Не возвращаться к Богу, это значит, потерять надежду, впасть в отчаяние. А это очень страшная жизнь, когда ты совсем один... На людей рассчитывать не приходится. Только на себя, если нет Бога... Из людей никто не поможет...*
- (1.2) *Включить в свою жизнь Бога, божественный промысел, не так-то просто, если привык полагаться только на себя... Когда уже безбожие сложилось, менять мировоззрение – это труд... Нужно разрешить Богу войти в твою жизнь... И потом все меняется... Появляется надежда на свое божественное происхождение... Радость жизни появляется такой, какая есть.*

Очень четко в историях нарратора А выстраивается характеристика прошлой жизни, времени детства. Основные образы прошлого: мать, бабушка, брат, отец. Преобладающая оценка этого времени негативная, это время психотравмы, т.к. мать героини больна алкоголизмом. Рассказывая о прошлом, автор истории переходит от глагольных характеристик прошлого времени к времени циклическому, повторяющемуся, к высказываниям риторическим, обобщенно-личностным, с использованием местоимений *ты, мы*. Рассказ о прошлом, где присутствуют конкретные образы, переходит в философствование, содержит риторические приемы обращения к читателю, обобщения, темы бога, смерти, страха, одиночества, смысла жизни. В тексте большое количество многоточий, повышенная эмоциональность и экспрессивность. Выглядеть

хорошо в глазах других людей (*быть честной, быть рефлексивной и осознавать свою гордыню, быть как многие и быть уникальной*), самообнажаясь, говорить о том, о чем не принято признаваться – установка нарратора А.

Рассказчица демонстрирует интеллектуальность, называет имя писателя (М. Пруста) и использует прием потока сознания. В записях и нарративе обнаруживается связь с профессией (психолог), гуманитарным образованием, творческой деятельностью (поэт). Автор истории использует психологические понятия (психотравма, защитные механизмы, проекция, вина, гиперкомпенсация, БДА – бывшие дети алкоголиков, обесценивание чувств). Возникает история преодоления травмы, становления новой личности, аутентичной, смелой, умеющей выстраивать личностные границы.

Прошлая жизнь характеризуется как сложная, страшная, требующая от героини истории формирования адаптивной стратегии выживания в мире, в котором есть ложь, страх смерти, она себя ощущает одинокой, запутавшейся, беззащитной, покинутой, беспомощной. Выстраиваемая картина мира демонстрирует четко и последовательно выражаемую концепцию жизни как опасной, мрачной. Образ героини противопоставляется этому миру, присутствует динамика, направленная от него. При напряженном стремлении к пониманию и человеческой близости рассказчица раскрывает внутренний конфликт, требующий осознания и дальнейшего разрешения:

- (1.3) *Мне хотелось жить в правде. Мне было важно это тогда, чтобы выжить, когда жизнь была настолько запутана... Никому и ничему невозможно было верить... Но очень страшно... Слишком много борьбы, от которой устаешь... Ужас... Это очень безжалостная жизнь. Бесчеловечная.*
- (1.4) *Кроме того, когда пытаешься контролировать мир, вместо Бога вырастает гордыня. Тогда расстраиваешься, что тебя не понимают. А когда тебя не понимают люди, не разделяют твое мнение – не чувствуешь себя в безопасности, начинаешь с ними бороться, из-за непонимания чувствуешь себя в изоляции... Чтобы доказать свою правоту, отвергаешь других (ради своей безопасности), отделяешься, возвышаешься над ними, чтобы самоутвердиться в своей правде, говоришь им "вы все дураки", и попросту не даешь им жить, жил бы со свету все чужие правды... А все из-за своего страха перед жизнью...*

Образ прошлого в историях нарратора А оказывается противоречивым: в раннем детстве была полная семья, о маленькой рассказчице заботились (*нормальная у меня была семья*). Героиня собственной истории, рассказчица развивает тему внутреннего конфликта, ведущего к эмоциональной напряженности, неумению налаживать контакты с окружающими, выражающегося в *гордыне*, страхе перед миром, защитной реакции ребенка, к чувствам которого никто не прислушивался. Нарратор А характеризует себя как сложную, рефлексирующую личность, проделавшую огромную внутреннюю работу по выживанию в чужом для нее мире:

(1.5) *Эта простота, которой мне так не доставало...*

(1.6) *...вспомнила, как любовь впервые возникает в детстве...Родители, все же меня любили, я для них была ценна. Лет до пяти, примерно, у меня была семья. Вполне нормальная со стороны, советская семья, где обо мне заботились. У меня было все, что нужно ребёнку: красивая одежда, игрушки, я была сыта, были бабушки и дедушка...какая-то сказочная семья была, сказочная любовь. До какого-то момента мне можно было быть беспечной.*

В истории о прошлом присутствует динамика: родители разводятся, мать рассказчицы заболевает, возникает тема обманутого ожидания – хотелось человеческой близости, но люди не *откликнулись*. Преобладающий тон повествования можно определить как драматический, формируемый оппозицией героиня – *весь мир людей*:

(1.7) *...не откликнувшиеся на мой призыв люди..., но я хотела исправить мир, всё-таки думала, что он отзывчивый...*

Имплицитно развивается тема обвинения мира, семьи, разведенных родителей, пьющей матери, обстоятельств за нереализованность, неумение верить в себя, быть счастливой, выстраивать собственные границы, самореализовываться. Тема обвинения присутствует наряду с темой самооправдания (не получилось гармонично вписаться в мир, потому что приходилось выживать в нем). Экспрессия, повышенная эмоциональность проявляются в риторических вопросах, восклицаниях, многоточиях, характерных для всего повествования. Драматизации рассказа способствует не только событийный ряд (рассказ о разводе

родителей и болезни матери, необходимость врать и скрывать правду о ее запоях), но и напряжение, вызванное наличием смысловых оппозиций: ожидание понимания – не оправдавшиеся надежды на человеческую помощь и поддержку; безмятежность раннего детства – развод родителей и спивающаяся мать; внутренняя интенсивная жизнь – полное одиночество, неумение поделиться чувствами; написанные сотни текстов – отсутствие признания таланта. Выкристаллизовывается идентификация жертвы, сложность переживаний которой никто во всем мире не может оценить. Рассказчица объясняет свое неумение профессионально реализоваться внутренней потерянностью, вызванной обстоятельствами, сложившимися в семье:

(1.8) *Хотя чувствовала за собой потенциал, что-то сделать или что-то важное сказать... Потому что занималась спасением себя. Потому что отвлекалась на спасение близких... И на это ушли все мои усилия, которые никому не видны и которые никто не может оценить...*

(1.9) *Я хотела стать писателем, мне казалось, я столько глубоких мыслей думаю, которые важны... Я написала сотни текстов, но все они как бисер... Болтаются в интернете бездомно, никто не может им помочь...*

(1.10) *...растрачивала себя, отдавала свое последнее, часто тем, кому это не пригодились, кто не ценил...*

В записях рассказчицы обнаруживается циклическое движение от тем обвинения мира и самооправдания себя к оправданию мира и самообвинению (*я была незрелой и инфантильной... Ненавидела здоровых и счастливых, не понимала, как это возможно*), от веры в себя и свой творческий потенциал (*я жуть какая сильная*) к сомнениям в возможность самореализации (*сейчас я чувствую, что ни минуты на самом деле не готова заботиться о других через свою профессию – настолько у меня сильный дефицит этой заботы о себе*). Для самоидентификации героини свойственна позиция человека, защищающегося от угроз внешнего мира, ранимого, тонко чувствующего, вынужденно агрессивного:

(1.11) *Я нашла способы защиты себя в этой системе: надменность и презрение к людям (другие тупые, они не задумываются о жизни, не понимают), вера в свою одаренность, уникальность, особенность... И никто не хотел заходить в такие*

сложные отношения со мной, люди меня отвергали. Свое одиночество и изоляцию я оправдывала своим особым путем... доказывая свою духовность.

Образ героини осмысливается нарратором прежде всего в отношении к центральной для нее фигуры детства – матери, больной алкоголизмом. В сознании героини образ матери расщеплен, амбивалентен, что, безусловно, влияет на самоотношение героини, которая демонстрирует, как уже было упомянуто выше, постоянный переход от оправдания к обвинению себя, внутреннюю нецелность (либо невозможно себя отстоять, потому что маму жалко, либо начинаю себе сочувствовать, тогда на маму негодование, а это же тоже необъективно...):

(1.12) *Я не чувствовала себя в порядке из-за маминой болезни. Потому что здесь нельзя составить однозначное мнение. А когда мама умерла – какой спрос. Я сделала, что могла.*

Нельзя не отметить близость и повторение жизненной позиции матери и самого нарратора (тот же преобладающий депрессивный тон (все надежды остались в детстве, голод по теплу и ожидания, что додадут) и позиция жертвы, ищущей спасителя):

(1.13) *Она сделала тоску смыслом своей жизни. Надеялась, что сын придет и ее спасет. Она не думала, что у него может быть своя жизнь. Она жила в иллюзии, что дети должны быть с ней, должна быть семья, тогда все будет хорошо, она просто повод искала избежать настоящего, тосковать, ждать спасителя.
...я не хотела такой ответственности... Где обещанная родителями забота?
А если алкоголизм – это болезнь, и человек действительно не может ее победить, то как же не простить близкого человека? Благодаря этим искажениям я научилась любить любых людей, была в абьюзивных отношениях с наркозависимым мужчиной много лет.*

Порой героиня осознает повторяющийся жизненный сценарий, переданный ей семьей:

(1.14) *...слишком страшно все вокруг. Это был общий родительский страх жизни как семейная ценность...*

Необходимость для героини самоидентификации на новом этапе жизни вытекает из изменившихся семейных обстоятельств (ее мать умирает), и рассказчица чувствует необходимость жить по-новому, найти свой путь, обрести новую социальную роль, сделать свободный выбор, как жить в мире людей без матери, когда оправдания, связанные с ее влиянием, стали неактуальны:

(1.15) *Теперь наша семья – это я, я старшая женщина в нашем роду, поэтому будут теперь мои правила, я могу все это переосмыслить.*

Теперь со мной все в порядке. Почему только теперь? Я все еще не понимаю, можно ли было отделиться сознанием от мамы при ее жизни.

Теперь у меня есть время всмотреться в то, что я действительно хочу, как хочу... Какой другой я могу быть, если я оказалась свободной выбирать?

...Я работала тем, кем умела. Меня научили заботиться о других. Мне внушили, что это самое важное в жизни... Что это вообще для всех важно – жить ради других. Но сейчас я понимаю, что это было мировоззрение моей мамы, я в нем жила и не могла представить ничего другого. Я считала это своим. Я себя считала такой – чуткой, заботливой. Теперь я сомневаюсь, что я делала это по доброй воле.

Образ и характеристики настоящего времени, в котором героиня живет, вытекают из опыта прошлого периода жизни, присутствует тема расщепленности внутреннего мира (...Я помню хорошее и плохое. И они не могут соединиться в моем сознании в одну картину). С одной стороны, рассказчица испытывает чувство освобождения после смерти матери, с другой – чувство вины за это переживание облегчения. Героиня демонстрирует комплекс жертвы и, одновременно осознавая это, иронизирует над собой (Мне очень жаль себя... Мне жаль свою жизнь... Жаль, что у меня не было надежного трамплина, который позволял бы мне свободно действовать; Бедная я, бедная. Сиротливая сиротка), но анализируя свою жизнь, рассказывая ее, она пытается гармонизировать свой расщепленный внутренний мир, разобраться в себе, наметить конструктивную динамику изменения, связанную с движением к себе и к миру:

(1.16) *...я строю мой мир... А я не могу собрать свои мысли в какую-то единую картину...*

Уходит звериный гнев, потому что уходит борьба за жизнь...

Сейчас постепенно чувство неадекватности растворяется. Хочется одарить весь мир. Любоваться своей щедростью. Быть со всем миром.

Я сейчас читаю свои истории, и снова думаю. Давно пора понять и простить.

Вот так, у меня могла бы быть счастливая судьба, а вместо этого получился духовный рост...

Я все думаю, что может никакого решения и невозможно... От деструктивных близких не избавиться, как и от болезни общества, их нельзя вырезать... Но я желаю, чтобы решение, освобождающее людей от чужих деструкций, нашлось.

Рассказчица при всей противоречивости изложенных переживаний ставит цели и делает осознанный выбор по направлению к миру, здоровой части своей личности, выстраивает новую идентификацию:

(1.17) *Теперь, после смерти мамы, я чувствую, что могу выбирать, что могу себе позволить жить так, как хочу. Очень не хотела на себя такой смотреть – травмированной. Очень старалась это скрыть за образом теплого, заботливого, душевного, безотказного человека. Ведь я понимаю, что я нахожусь на стадии голодного ребёнка, вопиющего детского эгоцентризма. А это очень уродливо. Лучше уж другой образ себя. Тепло, человеческого готового обогреть в любую минуту педагога, психолога, взрослого защитника. ВДА – невыросшие дети, это правда... Какая я на самом деле? Жуть, какая я смелая.*

Образ будущего и его характеристики у нарратора А связаны с осмысленным движением к адаптивному поведению, общению, движению к миру при осознании сложности процесса:

(1.18) *Я хотела бы достучаться до человеческих сердец... Но трогает ли это настолько же сильно кого-то, что это что-то меняет в их жизни, я не знаю... И, видимо, не узнаю никогда... Но это я все равно, наверное, идеализирую сейчас, размышляю... Хотелось описать для себя свой выбор. Почему я выбираю быть с Богом. Пока я вижу в этом большую выгоду и здоровье.*

Нарратор А демонстрирует полное осознание целей, с которыми она пишет свою историю: интегрировать опыт прошлой жизни; разобраться в себе, осознать наличие внутреннего конфликта; прожить вытесненные переживания, принять себя и свои чувства; выявить неконструктивные паттерны поведения; определить направление движения с целью гармонизации внутреннего состояния; поделиться историей своей жизни, чтобы тем, кто проходит сходный опыт, это помогло. Риторическое обращение к совокупному читателю также обнаруживает осознанную для нарратора деятельность по осуществлению творимой истории о собственной жизни на открытой странице ВКонтакте, являющейся и имиджевой, предоставляющей информацию об авторе повествования как психологе, проходящем процессы самооздоровления посредством письма – предполагаемого диалога с совокупным читателем виртуальных сетей:

(1.19) *Твоя общая жизнь будет восстановлена. И ты сможешь быть с другими, разделять их жизнь. А они с тобой – твою, потому что ты им позволил... Важно позволить себе пережить свое горе с другими... это тоже жизнь. Как об этом рассказать? А сколько еще таких, как я, невидимок, проживающих грандиозную внутреннюю сокровенную жизнь, о которой никто никогда не узнает?*

Образ будущего времени в историях нарратора А включает темы надежды на положительные изменения, воздаяния за пережитые страдания, необходимости продолжения внутренней работы, для излагаемой фабулы характерна открытость, событийная незавершенность процесса поиска себя, противоречивость стремлений. Рассказчица это все понимает:

(1.20) *Остается только надеется, что Бог все же есть, что вся эта работа Ему видна, что она не напрасна, и после смерти... я добьюсь успеха... Уже половина жизни прошла, а я только начала жить как человек... И сколько ещё работы предстоит с собой, чтобы выровнять мир в своем сердце...*

Для оздоровления рассказчице, как она пишет, необходимо освобождение от влияния негативного опыта в прошлом, связанного с образом матери, от чувства зависти, комплекса жертвы. Тема, синонимичная

теме динамики, движения к психическому здоровью, – это тема освобождения от влияния матери и ее заболевания на жизнь героини, процесс идентификации не завершен, он осуществляется, в частности, с помощью рассказывания в социальной сети ВКонтакте:

(1.21) *Начну понемногу разгребать своё психическое наследство... Теперь можно, теперь никто не осудит. Когда мама жива была, нельзя было. Потому что были надежды, что все изменится к лучшему. Думаю, еще меня ждет много открытий в связи с освобождением от отношений с мамой. Я отдавала другим всегда себе в минус. Теперь надо это как-то восполнить. Может, придется долго восполнять. Может, много лет, может, до конца жизни.*

Налицо влияние деятельности психолога на процесс идентификации нарратора А, которое проявляется не только в использовании профессиональной терминологии, как отмечалось выше, но и в понимании важности самого процесса повествования, терапевтического по своей сути, для восстановления душевного здоровья рассказчицы (*Нужно разделить свое горе с другими, как и положено это делать человеку... И потом сразу станет легче*) и для воспринимающего субъекта (*Обобщаю для себя и, надеюсь, кому-то это тоже будет в помощь и поддержку*). С. Е. Шварц пишет: «С детства мы создаем сложные непрерывные повествования из слов, языка тела, эмоций, ритуалов и взаимодействий, посредством которых наша жизнь находит выражение вовне» [Шварц 2021: 14]. Рассказывание и слушание историй позволяет разобраться человеку в себе, прожить заблокированные чувства, осознать наличие внутриличностного конфликта, нанесенный ущерб, найти свой центр, перестроить неэффективные модели поведения, стремиться к конструктивным отношениям к себе и миру, открыть свободу творчества, обрести уверенность. Нарратор А демонстрирует понимание механизма влияния процесса рассказывания на самоощущение, посредством сторителлинга она обретает:

(1.22) *...смысл в принадлежности всему (жизни, вечности), богатства, щедрости, ощущения правды, понимания человеческого, избавления от поиска лучшего и страданий – это ли не свобода? Не в этом ли мир и покой? Тогда можно просто жить...*

Нарратор В также находится в пограничной ситуации, требующей осмысления личностных перемен, адаптации к новому хронотопу (в связи с переездом в другую страну), что проявляется в интенсивном процессе поиска новой идентичности:

(2.1) *... как бы банально это ни звучало, но это был непростой год... жила одна, собирала документы коту, выбирала, что оставить, что забрать... впервые ехала через границу, впервые летела на самолете...*

Будущее в новом для героини мире не определено четко, рассказчица ставит перед собой цели по саморазвитию, профессионализации, иронизируя над собой:

(2.2) *...обещаю в Новом году: высыпаться, заниматься английским каждый день хотя бы по 15 минут, ходить в зал хотя бы дважды в неделю, каждый день гулять, купить очки...учить язык, два языка, больше зарабатывать.*

Настоящее для рассказчицы временами наполнено новыми и позитивными впечатлениями от работы, нового коллектива, она стремится самоопределиться как профессионал, компетентный сотрудник, член группы:

(2.3) *Я работаю редактором в потрясающем контент-агентстве. Это непростая работа: я и редактор, и менеджер, и наставник, и мемовлог, и много кто еще. Много ответственности. Но работу свою обожаю. Обожаю команду, обожаю авторов, обожаю, что никогда не бывает скучно. Но больше всего ценю постоянный рост. За полгода я из начинающего редактора стала нормальным таким редактором.*

Учиться, работать, быть компетентной, уважать себя за приложенные усилия – это ценности рассказчицы, которые придают ее жизни осмысленность, рамки должного, самоуважение:

(2.4) *...в начале февраля я впервые за несколько лет вписалась в обучение. Я люблю учиться... в самые темные месяцы каждый понедельник садилась за домашку. Это страшно вымотало, но помогло пережить происходящее. Окончила в тройке лучших, горжусь собой. После простоя садиться и еще работать – это мощно и здорово, уважаю.*

Вместе с тем преобладающий тон повествования нарратора В можно классифицировать как депрессивный:

(2.5) *...иногда, даже часто, почти всегда, я чувствую мир как невыносимо пустой и ужасный, а жизнь – как бессмысленный садистский подарок. Единственным, что как-то оправдывало происходящее в моих глазах, было искусство.*

Прошлое для рассказчицы соотносится со светлыми впечатлениями детства о книгах, библиотеке, встречами с искусством:

(2.6) *Чистое счастье, струящееся прямо в душу, ойкумена, сверкающий от напряжения смыслов кристалл – таким для меня было искусство. Самое счастливое воспоминание детства – сладкое ожидание новогодним утром, когда проснулась и идешь мимо елки умываться, не заглядываешь, потом ешь, чистишь зубы, оттягивая встречу с подарком. И еще одно – воскресный путь домой из библиотеки, снегопад и деревья в пуху, такое же сладкое ожидание чуда встречи с новой книгой.*

В настоящем же измерении времени рассказчица признается, что все изменилось. Книги ее не радуют, все превратилось в пустые слова:

(2.7) *Но с каждым днем, с каждой режущей душу беседой, с каждой новостью магия рушилась. И теперь как будто бы всё: я вижу, что это все самая обычная ложь, просто слова для обозначения предметов. Просто анестезия... И ты всегда просто идешь сквозь ледяной ветер, всматриваешься в темень, а потом умираешь, и нет ни защиты, ни приюта.*

Получив отзывы на негативный пост, рассказчица начинает оправдываться:

(2.8) *Может быть, мои посты выглядят так, как вы говорите. Но иногда мне просто нужно написать – и это само по себе помогает. На самом деле, в моей жизни все совсем не так плохо... Может быть, я просто слишком много думаю...*

Рефреном проходит тема одиночества в настоящем, нарратор идентифицирует себя как филолога, интеллектуала, понимающего, что такое настоящее

искусство, знающего о М. М. Бахтине, диалоге, процессах анализа и интерпретации, раздражающегося из-за невозможности найти собеседника, обладающего пониманием сложности процесса восприятия произведения искусства:

(2.9) *...я иногда ищу, с кем поговорить о смысле книги, кино или картины. Чаще всего разочаровываюсь по одной причине. Не потому, что человек не читал Бахтина, не знает, что такое образ, не может связать все со всем и всякое такое. Часто собеседник просто не смотрит в произведение. Придумывает свой мир, нанизывает фантазии, подминает под них текст. Мне кажется, именно так и прожигают жизнь – во лжи.*

Для рассказчицы очень важна связь с обучением в университете, филологическим прошлым, т.к. это связано с периодом четкой идентификации, верой в свои способности, надеждой на самореализацию:

(2.10) *...тяжелее всего оставлять черепаху и цветы, книги и тетради, я не знаю, зачем храню и таскаю их с собой. В них нет уже ничего, чего я не найду в других местах. Зачем мне тетради с первого курса? Понятия не имею, но не могу кинуть их в мусор? Память о том, кем я могла и хотела быть, кем должна быть? Открытка себе из прошлого. Не знаю.*

С прошлым временем, когда героине было свободно, весело, связан образ лица, воспринимаемого идеалистично:

(2.11) *...случайно проснулась в пять утра и вспоминала, как было в Лицее. Там было очень хорошо... Помню много, много всего хорошего, человеческого, свободного. Всем рассказываю с любовью про Лицей, показываю с гордостью кружку выпускника.*

Для повествования нарратора В характерна противоречивость, рассказчица то гордится своим филологическим знанием, видит спасение в литературе, искусстве, то демонстрирует полное разочарование в прошлой идентичности и художественном слове:

(2.12) *...дочитала Чернильно-черное сердце в корявом переводе и кривой pdfке, господи, вот ради этого и стоит жить, ради этого можно и со всем дерьмом смириться. Теперь надо не умирать до следующей части.*

(2.13) Психологи в интернете советуют гулять, читать и кушать, чтобы снизить тревогу. Я открыла Гумилёва: знакомое куда менее тревожно. Потом Бродского, Цветаеву, даже Хлебникова открыла. И всё – нет. Строчки рассыпаются, словно кусок пенопласта. Слово – пустые тараканы шкурки. Я раньше писала стихи, даже считала себя поэтом. Я сегодня пробовала срифмовать самые банальные глаголы – и это был полный кринж. Поэзия сегодня умерла. В мире, где больше нет ни капли любви и смысла. Или во мне. Господи, пусть во мне.

Нарратор В настойчиво пытается идентифицировать себя в отношении к базовым ценностям – малой родине, корням; смена пространства актуализирует потребность в национальной, культурной идентичности:

(2.14) Сегодня год со смерти дедушки! За год я успела полюбить и разочароваться десятки раз. Так много, что кажется: нет ничего постоянного, устойчивого, святого. Но за год сомнений и скитаний я нашла опору. Филолого-гуманистические истины – неотчуждаемые человеческие права... Их три. Земля, на которой ты родился, – твоя родина. Земля, на которой живут твои близкие, – твой дом; земля, в которой лежат твои любимые, – твоя земля.

(2.15) Я сделала впервые много всего. Например, я впервые всерьез задумалась, что такое Россия. Вот я никогда не была в Москве. Я дальше Тюмени вообще не выезжала. Но в школе учила для экзамена все эти московские дома, питерские храмы. И это было историей России. Я до сих соизмеряю наши размеры с размерами москвей. Меня тяготила наша внеисторичность и незадокументированность.

Образ малой родины при всей важности для нарратора неоднозначен, он вызывает негативные воспоминания:

(2.16) ...замучили со своими двориками петербурга, огнями москвы, давайте будем честны: все, что у нас есть, – вечно скользкие, морозные, покрытые взвесью проспекты Западной Сибири... пляшущий фонарик ночного ларька, срывающий скальп ветер, черные вязы на сизо-черном небе, греющая душу полторашка в рюкзаке, трехногая собака,

дымные от мороза фары, скукоженные лапки, темень, темень, бесконечная темень, полумрак, куда ни пойдешь – в центр, в лес, в промзону. Вечный запах угля, бензина, низкое трумхрумхрумх и бледные выхлопные облачка газа. И какими бы снежными просторами, вековыми соснами и лунными дорожками она ни пыталась откупиться, зимой я ненавижу родину.

Для нарратора В свойственна нецелостность образа прошлого, нестабильность настоящего и эклектичный образ собственной внешности:

(2.17) ...я никогда не считала себя красивой. Красота казалось чем-то цельным, оформленным. У меня постоянно все распадалось на фрагменты. Все не умещалось в цельный образ. Фотосессии не помогают, только чисто механически собирают тебя в рамку – тот же коллаж, только в рамке. Я же филолог, должна же была сразу понимать, что рамка тут не поможет, что форма без содержания – пустое. Сначала тебя внутренне должны собрать, а потом уже – полностью.

Яркое впечатление из настоящего времени, вызвавшее негативные эмоции у нарратора В, – прочтение книги, которую рассказчица характеризует как графоманскую, имплицитно отражает самовосприятие рассказчицы как человека, посвященного в тонкости эстетического процесса создания произведения. Отсюда демонстрируемая роль критика, имеющего право судить качество литературного произведения, осуждать за несовершенство стиля, графоманию:

(2.18) Недавно я прочитала бесплатный ознакомительный фрагмент книжки. Книжка была одной местной писательницы... был полный отстой! Полный никудышный, совершенно нехудожественный отстой... Я не читала ничего хуже.

Завершается годовое повествование нарратора В темой депрессии, мрачными высказываниями:

(2.19) Недавно мне нужно было пройти несколько тестов. Они проверяли, насколько я тревожная, хорошо ли отношусь к себе и есть ли у меня депрессия. ... моя депрессия – это мой образ жизни. Я никогда не жила без нее. Я была уверена, что все живут так – навзрыд. Когда я поняла, что не все так живут, я была в шоке.

Преобладающий тон повествования нарратора В можно охарактеризовать как депрессивный, героиня находится в поисках новой идентичности, склонность к меланхолии обостряется сменой жизненных обстоятельств. Рассказчица демонстрирует эмоциональную нестабильность, вызванную сменой социального пространства, требованием новых поведенческих стратегий, невозможностью использования привычных форм деятельности. Незавершенность идентификационных процессов, разрыв между прошлым временем личности и настоящим измерением жизни, отсутствие четких перспектив в будущем героини приводят к появлению в повествовании темы беспомощности, смерти:

(2.20) *Хочу умереть и лежать на берегу Кондомы, пока вода не унесет волосы, мясо, кости, родовое проклятье, все беды и мысли о будущем.*

Героиня демонстрирует четкую направленность от мира людей, склонность к обвинению, самооправданию, лейтмотивом повествования является мотив бессмысленности бытия:

(2.21) *Я офигела, как оборванец, который смотрит в щелочку на рождественский пир, как монах у женской бани, как бездомный пес у скотобойни. Офигела от странности и несправедливости бытия. Потом зафигела обратно и неделю ни с кем не разговаривала.*

Нарратор С идентифицирует себя в первую очередь как мать, жену, домохозяйку, которой не чужды рефлексия и стремление к саморазвитию. Сложный жизненный период, связанный с опытом рождения и воспитания троих детей, требует от рассказчицы синтеза временных этапов ее жизни, поиска и принятия новой идентичности, отсюда напряженность процессов идентификации.

Прошлое героиней расценивается как идиллическое время, время мечтаний и примеривания по отношению к себе различных социальных ролей, профессий:

(3.1) *Вспоминаю моменты из детства, когда перед 31 декабря не можешь уснуть и ждешь, чтобы поскорее наступило утро и, наконец-то, можно будет найти под елкой подарки. Поистине волшебная пора жизни.
В детстве я хотела стать...много кем!
Профессии из списка «когда я вырасту, я буду»*

менялись максимально стремительно. Учительницей (пока не поняла, что я нетерпеливая), балериной (пока не оказалось, что с танцами у меня душевная и физическая несовместимость), юристом (пока не оказалось, что нужно сдавать историю).

Настоящее время в повествовании нарратора С соотносится с миром неправильных ценностей и утраты привычных:

(3.2) *Я живу в мире, где ценности теряют свой смысл. Я живу в мире, где толерантность превращается в поклонение. Я живу в мире, где происходит бесконечная словесная борьба диванных мыслителей. Я живу в мире, где очень немногие понимают: хочешь изменить мир – начни с самого себя.*

Противопоставление миру социума является для рассказчицы средством выделения себя из него, формируется образ духовной, интеллектуальной, подлинной героини:

(3.3) *Порой, у меня возникает чувство, что я родилась не в то время. Что должна была родиться чуть раньше. Когда люди были другими. А сейчас все чаще осознаю, что живу в мире накаченных губ, пустых душ и людей, с которыми даже не о чем поговорить.*

Нарратор С отмечает перемены как во внешнем социальном мире, так и динамику внутреннюю, связанную со взрослением, появлением жизненного знания: героиня гордится приобретенным опытом преодоления трудностей.

(3.3) *Наверное, у всех так, но чем старше становишься, тем больше ценишь встречи с определенными людьми. Ведь время – самый ценный ресурс и не хочется растрачивать его попусту. Уже не хочется встречаться со всеми, чтобы найти друзей или чтобы ощущать их количество.*

В высказывании, приведенном выше, можно обнаружить имплицитно присутствующее самооправдание героиней вынужденного одиночества, вызванного семейным статусом матери троих детей, жены и домохозяйки. Компенсацией коммуникационного голода становится повествование в социальной сети ВКонтакте, подчеркивание героиней

наличия интенсивной интеллектуальной жизни, а также стремление к соревновательности и преодолению проблем:

(3.4) *За 2023 год я прочитала 75 книг. В книжном вызове ставила себе цель в 40 книг. Но удалось прочитать почти в два раза больше, при моем ритме жизни; Я нигде не расстаюсь с «Анной Карениной», как же я влюбилась в эту книгу).*

Никогда не думала, что стану писательницей, – так рассуждает нарратор С, но именно эту роль примеряет к себе, творя историю своей жизни. Для повествования нарратора С свойственна философичность рассуждений, поучающий тон человека, имеющего жизненный опыт и право наставлять, риторичность и литературность стиля (*просто я перфекционист до потери сознания*, – объясняет нарратор С свое стремление к жизнестроению по правилам). Прошлое нарратора С – не только идеальный мир детства и времени мечтаний, но и сложное время по воспитанию детей:

(3.5) *Тяжело ли с 3 детьми? Очень. Но мне было в разы тяжелее, когда родилась дочь. Сыну тогда было всего 1,3, совсем маленький, в садик еще не ходил, и мы целыми днями были вместе. Муж очень много работал и редко бывал дома. Всё было на моих плечах.*

Вместе с тем структура высказывания позволяет выявить некоторую схематичность самоидентификационных процессов, на рассказчицу влияет опыт предшествующей деятельности (она училась на психолога и понимает важность самопринятия, интеграции опыта, фиксации на положительных моментах для самооценки и психологического здоровья), определенную стратегию самопрезентации успешного человека.

Рассказчица идентифицирует себя в качестве любящей и заботливой матери, жены, благодарит супруга за любовь, жалеет, что так быстро растут дети, но для нее ценностно важно продемонстрировать положительность получаемого опыта, наличие рефлексии и осознанности, способность быть примером в преодолении сложностей, проблем. Создаваемая история для других становится средством самоидентификации субъекта, вызывающего уважение у наблюдателя, человека со стороны:

(3.6) *У моей истории нет конца – я проживаю ее сейчас. Я проживаю свою историю каждую минуту: историю о том, как я стала уверенней. Наверное, я не стала лучше, хотя я ужасно стараюсь...*

Заключение

Анализ историй в социальной сети ВКонтакте продемонстрировал общие механизмы и цели наррации, связанные с процессами самоидентификации: нарраторы находятся в кризисных ситуациях, требующих осознания собственной идентичности, позволяющей адаптироваться в социуме, осознать себя и свою роль в нем. Истории отражают нормативные возрастные кризисы и сопутствующие им жизненные проблемы. Нарраторы, истории которых были проанализированы, находятся в периоде молодости, когда процессы идентификации связаны с вступлением во взрослую жизнь, взятием на себя новых социальных ролей. Все истории продемонстрировали связь с профессиональной деятельностью нарраторов, их гендерной принадлежностью, семейными отношениями. Для всех рассказчиков характерен поиск новой идентичности посредством попытки интеграции прошлого, настоящего и будущего времен личности повествовающего. Каждый из нарративов обладает преобладающим эмоциональным тоном, содержит ценностно-смысловые оппозиции, выраженные тематически и отражающие внутренний конфликт, побуждающий к интенсивной самоидентификации.

Очевидной является функция идентификации через нарратив – это процесс поиска, конструирования, сохранения идентичности, ее осмысления, демонстрация или отказ от нее с целью сохранения протяженности, целостности личности, встраивания в социум.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Анникова Л. В., Бахуташвили Т. В., Ильченко Е. В., Косинцева Ю. Ф. Социально-групповая идентификация и идентичность современной российской молодежи. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2019. № 4. С. 4–9. [Annikova L. V., Bakhutashvili T. V., Ilchenko E. V., Kosinceva Yu. F. Social-group identification and identity of modern Russian youth. *Kazan social-humanitarian bulletin*, 2019, (4): 4–9. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2019-10-4-4-9>
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29–42. [Brockmeier J., Harre R. Narrative: The problems and promises of an alternative paradigm. *Voprosy Filosofii*, 2000, (3): 29–42. (In Russ.)]
- Зукофф А., Горчак Б. Как понять, что нам важно, и найти свой путь к изменению? Сила мотивационного интервью для позитивных изменений. Харьков: Гум. центр, 2019. 352 с. [Zuckoff A., Gorscak B. *Finding your way to change: How the power of motivational interviewing can reveal what you want and help you get there*. Harkov: Gum. tsentr, 2019, 352. (In Russ.)]
- Ильин И. П. Нарратив. *Западное литературоведение XX века*, ред. Е. А. Цурганова. М.: Intrada, 2004а. С. 275–277. [Ilyin I. P. Narrative. *Western literary criticism of the XX century*, ed. Tsurganova E. A. Moscow: Intrada, 2004а, 275–277. (In Russ.)]
- Ильин И. П. Нарративная типология. *Западное литературоведение XX века*, ред. Е. А. Цурганова. М.: Intrada, 2004б. С. 277–280. [Ilyin I. P. Narrative typology. *Western literary criticism of the XX century*, ed. Tsurganova E. A. Moscow: Intrada, 2004b, 277–280. (In Russ.)]
- Кроссли М. Л. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. Харьков: Гум. центр, 2020. 284 с. [Crossley M. L. *Narrative psychology. Self, trauma and the construction of meaning*. Harkov: Gum. tsentr, 2020, 284. (In Russ.)]
- Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: НГПУ, 2013. 180 с. [Lappo M. A. *Self-identification: Semantics, pragmatics, and language resources*. Novosibirsk: NSPU, 2013, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stlqeb>
- Моштылева Е. С. Ненадежная наррация в социальных сетях (судебно-лингвистический аспект). *Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа*: Междунар. науч. конф. (Москва, 5–6 октября 2021 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 308–317. [Moshtyleva E. S. Unreliable narration in social media (Forensic linguistic aspect). *Fundamental linguistics and problems of forensic examination: Social networks as an object of scientific and expert analysis*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 5–6 Oct 2021. Moscow: Pushkin Institute, 2022, 308–317. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udbqwu>
- Рогова Е. Н., Яницкий Л. С. Нарратив как технология вовлечения в социально-психологические группы ВКонтакте. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2022. Т.1. № 3. С. 161–166. [Rogova E. N., Yanitskiy L. S. Narrative as involvement technology: Socio-psychological groups in VKontakte social net. *Virtual Communication and Social Network*, 2022, 1(3): 161–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-3-161-166>
- Смирнова Е. В. Подходы к понятию практики storytelling в различных областях научного знания. *Лексикографическая копилка*, ред. В. В. Гончарова. СПб.: СПбГЭУ, 2021. Вып. 11. С. 33–39. [Smirnova E. V. Approaches to the concept of storytelling practice in different areas of scientific knowledge. *Lexicographic piggy bank*, ed. Goncharova V. V. St. Petersburg: SPbSUE, 2021, iss. 11, 33–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxdvzx>
- Фрейд З. Я и Оно. In: Фрейд З. *Психология бессознательного*. Новосибирск: Риф Плюс, 1997. С. 503–519. [Freud S. The ego and the id. In: Freud S. *Psychology of the unconscious*. Novosibirsk: Rif Plus, 1997, 503–519. (In Russ.)]
- Шаповал Е. А., Мальцева В. А. Социальная идентификация молодежи в виртуальных сетях. *Право и порядок: приоритетные направления развития*, ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадова. Хабаровск: ДВГУПС, 2019. С. 381–385. [Shapoval E. A., Maltseva E. A. Social identification of youth in social networks. *Law and order: Priority directions of development*, eds. Turkulets S. E., Listopadova E. V. Khabarovsk: FESTU, 2019, 381–385. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zeqaip>

- Шварц С. Е. Отсутствующий отец и его влияние на дочь. СПб.-М.: Центр гуманитарных инициатив; Добросвет, 2021. 364 с. [Schwartz S. E. *The absent father effect on daughters*. St. Petersburg-Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Dobrosvet, 2021, 364. (In Russ.)]
- Эриксон Э. Жизненный цикл: эпигенез идентичности. *Психология личности*, ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 1999. Т. 1. С. 305–348. [Erikson E. Life cycle: The epigenesis of identity. *Psychology of personality*, ed. and comp. Raygorodsky D. Ya. Samara: Bakhrakh-M, 1999, vol. 1, 305–348. (In Russ.)]
- Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе. *Психология личности в трудах отечественных психологов*, сост. Л. В. Куликов. СПб.: Питер, 2009. С. 332–344. [Yadov V. A. Social identification in a crisis society. *Psychology of personality in the works of domestic psychologists*, comp. Kulikov L. V. St. Petersburg: Piter, 2009, 332–344. (In Russ.)]
- Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с. [Yanitskiy M. S. *Value orientations of a person as dynamic system*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000, 204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rldjrh>
- McAdams D. P. The psychology of life stories. *Review of General Psychology*, 2001, 5(2): 100–122. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.100>
- Taylor C. *The malaise of modernity*. House of Anansi Press Inc., 1991, 128.